

УДК 008+316

ГОРОД КАК ПРОСТРАНСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

Семиотика городов, с момента их возникновения, многоаспектна и весьма насыщена значениями и смыслами. Изучение и понимание этих многообразных смыслов только и делает возможным постичь город как культурно-исторический феномен. Пространство города образует настоящее пространство исторической памяти, погруженной в острую политическую борьбу. Наглядную иллюстрацию этой «борьбе с памятниками» являют современные европейские и азиатские города, особенно на постсоветском пространстве. Пришедшие к власти социальные группы национально-этнической буржуазии мстительно выкорчевывают недавнюю историческую память своих народов, часто доводя это до печального гротеска в остром желании задним числом добиться исторического реванша.

Ключевые понятия:

семиотика города, историческая память, политика памяти, город, политический дискурс, развитие города – противоречие исторической памяти и прогресса.

В отечественной литературе пронизательно очерчена разнообразная проблематика семиотики города. Как подчеркнул В.В. Иванов: «Не приходится доказывать, как важно исследование города. Роль больших городов непрерывно увеличивается не только в развитых странах, но и в «третьем мире», где нередко значительная часть всего населения сосредотачивается в одном большом городе... Достаточно давно уже был сделан вывод о том, что и для собственно экономических задач основной оказывается социальная оценка – суждение жителей о степени символической притягательности той или иной части города. Решение экономических задач невозможно без исследования семиотики города и его частей. Согласно моделям развития городов, ориентированным на их энергетические характеристики, устойчивость может достигаться за счет собственно семиотических ограничений – таких, как отношение к прогрессу, роль этических норм» [7].

Город рассматривается как модель пространства вселенной. Соответственно – его организация отражает структуру мира в целом (хаотичного или гармоничного; пронизанного планом и замыслом, либо дезорганизованного слепыми стихийными силами).

Семиотика города (и его пространства) богата, в том числе, множеством архетипических категорий (концептов, образов): «горд на семи холмах», «семь врат», «сорок сороков храмов и церквей» и т. п. Или еще: «Петербург – умышленный город», «город – центр мироздания», «глушь провинциальная (богом забытая)» и т. п.

В.В. Иванов отмечает еще один глубокий аспект: что «с семиотической точки зрения особый интерес вызывает функционирование города как личности. Представление древневосточного города женщиной было ярким, но не единственным проявлением этого. Именно потому, что город рассматривался как личность, герои греческой трагедии, как до этого мифологические персонажи <...> могли воплощать в себе судьбу города» [7]. Мы можем продолжить эту идею: «Киев-мать городов русских», от «Москва-матушка» (впрочем, она могла резко повернуться противоположной личностной стороной – «Москва слезам не верит») до «Одесса-мама» и «Ростов-папа». Мы еще недавно активно пользовались термином «Город-Герой»! Но появление «Города-Героя Санкт-Петербурга Ленинградской области» – довольно абсурдно (хотя началось все с «Города-Героя Волгограда – участника Сталинградской битвы»).

Семиотические аспекты города и его пространства, среды – многообразны. Невозможно пройти мимо и не отметить вместе с В.В. Ивановым, что «Западноевропейский роман возникает вместе с городом Нового времени и становится его летописью. Не приводя достаточно очевидных примеров из истории испанской, французской и английской литературы XVII–XVIII вв., ограничимся беглой ссылкой на Париж Бальзака, Лондон Диккенса (подробно изученный Г.Г. Шпетом в его детальном комментарии к «Пиквикскому клубу») и Теккерея, Петербург Достоевского, исследованный в недавних трудах В.Н. Топорова. Крупнейшие романы первой четверти XX в. представляют собой в большой степени описание города – Дублина в «Улиссе» Джойса, мифологизированного образа Праги в «Процессе» Кафки» [7].

Специфические отличия городского способа расселения и жизнедеятельности от сельского (размещение органов государственно-политической власти;

концентрация социально-политической жизни и важнейших социальных институтов управления; сосредоточение учреждений культуры, науки и образования) обуславливают особую роль города как пространства исторической памяти общества. Отчетливо видно различие: в сельской местности преобладают необычные географические объекты – деревья, роши, скалы, водопады, пещеры, горные вершины, озера и т. п.) тогда как в городе – памятники рукотворной истории и культуры. Города, благодаря своей специфике, более устойчивы к воздействию промышленно-экономических потрясений (промышленные революции, исчерпание природных ресурсов), чем сельские поселения, которые в массовом порядке исчезают с карты страны (а это – «малая родина» огромных масс населения, перемещающегося в города и утрачивающего связь с ней).

Маргинализация сельского населения через превращение его в наемных работников, ничем не привязанных к пространству города (кроме тяжелого монотонного труда как средства к существованию), рождает проблему равнодушного и варварского отношения к городской среде (вандализм). Сегодня мегаполисы Европы окружены массой пригородных районов и кварталов, заселенных иммигрантами (в т. ч. нелегальными), где кончается общее пространство городской жизни – правопорядок, благоустройство, экологические и санитарно-гигиенические нормы, культура и образование и даже язык.

Уже в планировке городской застройки важную роль играет историческая память (проблема сохранения «памятников архитектуры и истории» вечно меняющегося пространстве города). Имеются многочисленные примеры практически полного уничтожения в результате войн, стихийных бедствий. Но и примеры полной перестройки старых городов под влиянием новых социальных и градостроительных стандартов (Париж, Москва, Берлин, Чикаго, Нью-Йорк).

Политические процессы и потрясения (восстания, войны, реформы и революции) постоянно отображаются в семиотизации городского пространства: топонимика¹, установка памятников, памятных досок, закладных камней, часовен и храмов и т. п. Это – постоянные или долговременные формы, а практикуется огромное количество более или менее регулярных временных процедур: торжественное, праздничное оформление зданий и сооружений, вывешивание и подъем флагов, развешивание штандартов, знамен, гирлянд, различных сооружений (факелы, светильники, муляжи и манекены, и т. п.). Более или менее регулярно выдерживаемые процедуры почитания предков, возложение венков и цветов к могилам. Проведение митингов, уличных шествий, парадов, – понятно, что они обыкновенно проходят в наиболее сакральных местах пространства города – у могил павших героев, у памятников великим предкам, у исторически значимых мест (мест казней, расстрелов, начала политических действий и т. п.). Поэтому, в свою очередь, семиотизация носит политический характер и совершенно наивными выглядят попытки иных авторов благостно мечтать о «деполитизации» этих процессов².

1 Классы топонимов: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Топонимика>.

2 Ю. Гордова. Топонимия России: история и современность // <http://ономастика.рф/index.php?id=90>: «Освободившись от идеологического влияния, топонимы нашего времени стали более «раскрепощёнными», яркими, звучными, оригинальными и разнообразными. Рас-

Огромное влияние на становление традиции радикальных переворотов в ономастике и, в частности, в топонимике оказала Великая Французская революция [1]. Эпоха Великой Французской революции явила во всей полноте картину быть может самого радикального переозначивания семиотического пространства: «Переименование улиц и селений. Когда феодальный строй был разрушен в его эмблемах и изображениях, тогда понадобилось изгнать его и из географических названий. Для объяснения этой непостижимой страсти к всеобщему переименованию, положительно свирепствовавшей в эпоху революции, предлагалось немало разных оснований» – писали О. Кабанес и Л. Насс [8].

Они с известных позиций пренебрежительно констатируют: «В таком настойчивом стремлении уничтожить все прошлое одним росчерком пера была, конечно, известная доля ребячества. Его авторам, вероятно, казалось, что с устранением всего, напоминавшего прошлое, до наименования мест и лиц включительно, они скорее всего заставят исчезнуть последние признаки «пред-рассудков и деспотизма» [8].

Уже в июне 1790 г. произведена была первая (прямо-таки парадигматическая) попытка нововведения в наименованиях. В самый день погребения Мирабо маркиз де Вильетт «позволил себе» предложить заменить название «театинцев» именем Вольтера и оправдывался тем, что «Вольтер у нас будет вечно, а театинцев не будет больше никогда». Он писал якобинцам: «я полагаю, что такое незначительное нововведение могло бы состояться простым декретом Национального собрания, которое ныне озабочено устройством народных празднеств в честь Мирабо, Вольтера и Ж.Ж. Руссо». В этом же письме демократический маркиз пригласил «добрых патриотов Известковой улицы» поместить на углах своих домов имя Жан-Жака Руссо, так как: «для чувствительных сердец и пылких душ» интереснее вспоминать, проходя по этой улице, что здесь когда-то жил в третьем этаже Руссо, чем знать, что в былые времена здесь обжигалась известь» [8].

Интересно и то, как уже тогда закладывалась возможность повторения истории: «Это переименование было одобрено, а через несколько дней Генеральный совет коммуны постановил, что улица Шоссе д'Антэн, где скончался Мирабо, должна впредь носить имя великого оратора. В слишком поспешном возвеличении есть тоже своя опасность: вчерашние кумиры часто оказываются завтра низверженными и от Капитолия всегда близко до Тарпейской скалы. Когда вскрытие «железного шкафа» выяснило, что у патриота Мирабо существовали более чем подозрительные сношения с двором, то толпа повесила его бюст на Гревской площади, а граждане секции «Мирабо» потребовали ее переименования в секцию «Монблана» [8, с. 212].

ширился круг объектов, которым присваиваются имена, – теперь это не только реки, поселения и улицы, но и отдельные дома, товарищества собственников жилья (ТСЖ), школы, вузы и т. д. Расширился круг слов, которые используются при создании имён, – теперь это не только хорошо известная географическая и социально-экономическая терминология, но и новые слова русского языка (неологизмы), в том числе и заимствованные из других языков, а также эмоционально-оценочная и возвышенно-поэтическая лексика. Всё это отражает изменения, произошедшие в нашем обществе, в нашем сознании, и способствует дальнейшему расцвету имятворчества. И это хорошо».

Новое положение требовало и соответственных наименований. Процесс стремительно набирал силу – и как это потом повторится в истории много раз: «Секция «Майль» желает именоваться секцией «Вильгельма Теля». Секция «Бон-Нувель» предлагает полное изменение всех существующих наименований. Улица «Сен-Клод» должна бы стать улицей «Астриюка», получившего известность благодаря нескольким превосходным трудам по врачебному искусству». Улице «Дочерей Божьих» более подобало бы название улицы «Добродетели». Соображения в пользу этого нового наименования не лишены были основательности: «В течение нескольких веков улица Дочерей Божьих, – раньше называвшаяся улицей Дочерей дьявольских, – была притоном разврата. Но с недавнего времени похвальными усилиями полиции нанесен окончательный удар вредоносной тле, занимавшейся здесь своим постыдным ночным промыслом» [8, с. 216].

Конвент на этом не остановился. Получив рапорты разных секций, он предписывает Комитету народного просвещения разработать проект всеобщего переименования площадей и улиц во всей Франции. «Когда правительство перестраивается заново, – говорилось в подготовленном докладе, – ни одно из злоупотреблений не должно избегнуть косы реформатора; необходимо опубликовать все... Патриотизм повелевает нам произвести перемену в наименованиях... Почему же законодателю не воспользоваться этим случаем, чтобы установить стройную и систематическую республиканскую номенклатуру, каковой не было еще примера в истории ни одного народа...». По-видимому, особого труда подыскать в этом отношении нечто лучшее против настоящего не представлялось. «В бессмертных деяниях нашей революции, – продолжает доклад, – в ее успехах мы найдем достаточно сюжетов, чтобы украсить ими все площади, и эти новые наименования, наряду с названиями прилегающих улиц, составят краткий курс истории французской революции» [8, с. 217].

Семиотизация пространственных мест и объектов требовала отслеживания процессуальности: в политической борьбе постоянно происходит смена приоритетов, субъектов власти, а потому постоянно происходит переозначивание семиотического пространства [1]. Причем, чем более радикально и последовательно начнет проводить эту работу любое политическое движение, тем с большей вероятностью оно победит в дальнейшем. Уже в Древнем Египте фараон Тутмос III для избавления от власти мачехи приказал уничтожить все изображения, упоминания, алтари Хатшепсут, в Древнем Риме памятники императорам ставили со «сменными головами».

В современной России если и не ломают памятники, то их задвигают, пытаются маргинализировать их, лишают центральных сакральных мест – как задвинули памятник герою Гражданской войны И. М. Малышеву в Екатеринбург³,

3 Подробности: <http://regnum.ru/news/polit/2072000.html>. См. также: М. Демури. Десталинизация Дмитрия Медведева и смердяковское лобби: «Как хорошо известно читателям, еще 15 августа 2015 года премьер-министр Дмитрий Медведев подписал правительственное распоряжение за № 1561-р «О Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий». В обиход оно вошло под простым и «скромным» названием «о десталинизации и десоветизации». При анализе содержания этого документа, вышедшего из-под пера главы правительства, постоянно кичащегося своим высоким юридическим образованием и профессионализмом, вскоре выяснилось, что по-

регулярно пытаются организовать снос мавзолея В. И. Ленина (который с фанатичным и явно провокационным упорством ежегодно 9 мая и 7 ноября заколачивается фанерой – хотя этот памятник включен в перечень ЮНЕСКО) и колумбария в кремлевской стене. «Тема захоронения покоящегося в Мавзолее Ленина, поднятая на Межрегиональном форуме ОНФ, всколыхнула тему избавления от советского наследия, по-прежнему болезненную для большинства россиян. До сих пор с прошлым боролись в основном топонимически: переименовывая города и улицы, или возвращая им старые дореволюционные названия» [3].

Борьба с памятниками стала важным типологическим признаком «цветных революций»⁴. «Ленинопад» на Украине⁵, борьба с памятниками советским

становление – во-первых, незаконное. Ибо в нем имеется ссылка на еще один правительственный документ, который своим номером не соответствует названию (проще говоря, исполнители перепутали, а главный начальник за ними не доглядел). А во-вторых, оно представляет собой вызов обществу, ведь, как следует из многочисленных социологических опросов и исследований, в том числе весьма репрезентативных, ни «десталинизацию», ни «десоветизацию» наши сограждане не воспринимают, не поддерживают и жестко, абсолютным, кричащим большинством в 90% тому и другому противостоят... Первый «заход» совершается отнюдь не на Войкова, а на В. И. Ленина. И на мемориал у Кремлевской стены, это понятно, ясно и однозначно. Для этого строили и недавно открытый мемориальный комплекс в подмосковных Мытищах. Только хватило ума распорядиться им по-другому, не трогая исторически сложившийся архитектурный ансамбль Красной площади / <http://gusmi.su/news/09–2015/news5335.html>.

4 Порошенко: Названия времен Новороссии будут стерты с карты Украины. 15 мая 2016, 13:06 <http://www.vz.ru/news/2016/5/15/810593.html>: «Президент Украины Петр Порошенко в воскресенье пообещал стереть с карты страны названия времен СССР и Новороссии. «Сейчас шестью постановлениями Верховной рады переименованы 688 населенных пунктов и 15 районов. В последние полтора года в областных центрах Украины изменены названия более тысячи улиц. С 13 декабря по апрель этого года демонтировано более тысячи идолов Ленина и около 150 истуканов другим советским деятелям», – приводит ТАСС его заявление». И далее: «Напомним, в октябре прошлого года украинский институт национальной памяти опубликовал перечень лиц, «имена которых должны быть стерты с карт Украины». Всего в перечне 520 фамилий с коротким указанием претензий. В апреле 2015 года Верховная рада Украины приняла закон, запрещающий публичное использование и пропаганду коммунистической и национал-социалистической символики в стране. После вступления в силу нового закона о декоммунизации на Украине могут быть переименованы 25 городов.

5 Андрей Архангельский: «В России к 1991 г. было 7 тыс. памятников Ленину... в Украине 2,2 тыс... К 2014 в России осталось ок. 6 тыс. Ющенко в 2007 г. объявил программу увековечения памяти голодомора и избавления от советских символов. Так что в 2014 г. («ленинопад») ничего нового, просто продолжение... это десоветизация, прописанная в законе, ничего неожиданного... всего в мире было 14 тыс. памятников Ленину» и далее либеральные и демократические дамы на «Эхе Москвы» заявляют: «К. Ларина: но народ-то оскорблен?

П. Дашкова: какой народ? Я вообще не знаю, что такое народ и как он оскорблен. Я не верю даже статистике.

К. Ларина: Эти 86% или 84%.

П. Дашкова: Этим 86% уже абсолютно на это давно плевать, они смирились с тем,

воинам-освободителям в Польше, Болгарии, Прибалтике – это примеры радикального переозначивания (настоящей «зачистки») с целью выкорчевывания исторической памяти о реальных событиях и замены ее фантомной, сконструированной применительно к задачам удержания и узурпации власти [2; 5; 6; 9; 11].

В среднеазиатских республиках бывшего СССР прокатилась мода на установление памятников «героям национально-освободительной» (чаще всего – антирусской) борьбы, на которые смещен центр внимания, значимости городского пространства (в отличие от прежних памятников «дружбе народов», героям революции и гражданской войны [4].

Еще свидетельство организованного процесса, приобретающего вполне гротескные черты: «В Ташкенте, как и во всем Узбекистане, продолжается избавление от наименований, оставшихся от советского прошлого, а ныне признанных не соответствующими канонам национальной чистоты. . . Переименованные улицы, поселки, школы, парки, заводы и фабрики можно перечислять очень долго. . . улица Гоголя, одна из старейших улиц Ташкента, названная так в 1893 году, – улицей академика Яхъё Гуломова. Памятник писателю при этом перетащили куда-то на задворки (колонизатор?..). Свежий пример: улица Динмухаммада Кунаева в очередной раз сменила имя и превратилась в Мирабадскую (Миробод кучаси). Сей факт весьма примечателен: в начале 90-х не кто иной, как президент И. Каримов предложил переименовать улицу Сапёрную, носившую это название более ста лет, в честь лучшего друга узбекского народа – первого секретаря компартии Казахской ССР Д. Кунаева. Улицу Цветочную переименовали в улицу Гиёса Умарова, но после того как сын последнего стал оппозиционером, срочно переименовали еще раз – в Хиёбонтёпа. < . . . > В Ташкенте большинство переименованных улиц никогда не носило узбекских имен, поскольку строилось в так называемом новом городе, возведенном возле исторического Ташкента, «старого города», хотя впоследствии оба они и слились в единое целое. Более того, когда прокладывались эти улицы, еще не существовало самого Узбекистана, как государства. Поэтому демонстративная смена их названий ни в коей мере не является восстановлением первоначальных исторических топонимов, утраченных в годы советской власти. Это всего лишь дань воинствующему национализму (оттого, что нынче он востребован во всех пятнадцати постсоветских республиках, включая Россию, его отвратительная сущность не меняется), всемерно поощряемому и поддерживаемому властями Узбекистана, и фактически возведенному в ранг государственной идеологии. Аналогичные процессы происходили и до сих пор происходят во всех без исключения республиках бывшего СССР. И прошлое, и настоящее, которое не по душе очередному режиму (диктатору, титульному этносу), безоглядно корректируется в нужную сторону, ту, которая больше нравится пребывающей в данный момент у власти группе лиц» [4].

Примеры можно умножать: «Соответственно этим установкам улица Ленина (ранее Большой проспект, ранее Романовская) стала улицей Буюк Туран (Великий Туран). Улица Карла Маркса (ранее Соборная, ранее Кауфманская, еще ранее Саларский переулок) превратилась в улицу Сайилгох. Улица Энгельса (ранее Московская) – в улицу Амира Темура, Пролетарская (ра-

что у нас в столице на Красной площади труп лежит. . . и вообще это была кормушка для художников, архитекторов. . . ». <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1411614-echo/>.

нее Духовского) – в Мовароуннахр, Луначарское шоссе (ранее Никольский тракт) – в Буюк ипак йули (Великий шелковый путь), Первомайская (ранее Л. Куропаткина) – в Шахрисабз, Ленинградская (ранее Петроградская, ранее Петербургская) – в улицу Матбуотчилар, Карла Либкнехта – в академика Восита Вахидова, а площадь Ленина (ранее Красная, ранее Соборная) – в площадь Муст акиллик (Независимости)» [4]. Не обошли вниманием и памятники: «Памятники коммунистическим и советским деятелям в Ташкенте, как и во всей республике, снесли. В том числе несколько памятников Ленину (в 1981 году в столице их насчитывалось около десятка), а также Фрунзе, Кирову, Куйбышеву и пролетарскому писателю Горькому. Разумеется, сломали и памятник Карлу Марксу, изваянный в виде пылающего факела, а на освободившееся место водрузили бронзовую статую завоевателя Тамерлана, указывающего рукой куда-то на запад» [4].

Националистический угар коверкает историческую память самым непосредственным образом: «В общей сложности с момента объявления независимости и до начала 2005 года в Ташкенте из 3473 улиц, проездов и тупиков было переименовано полторы тысячи, то есть почти половина. Новая мифология создается буквально на глазах: и Ташкент, и всю республику создавали, строили и развивали исключительно представители титульной нации, достойные за это быть увековеченными в названиях столичных улиц; всех прочих просто не существовало». Разумеется, что «для самого Узбекистана целенаправленная дискриминационная политика обернулась массовым исходом образованного и квалифицированного населения, и надолго упущенными историческими возможностями» [4].

Кроме того, предпринимаются и попытки архитектурного «примирения» с травматической памятью о прошлом: воздвигаются памятники жертвам репрессий, военных преступлений, геноцида. Но есть и откровенно реваншистские иллюзии – переиграть итоги прошлых политических баталий: именно так следует расценивать недавнее заявление руководства РПЦЗ, в котором оно, крайне смутно представляя российские реалии, в ультимативной форме потребовало – не более и не менее – снести мавзолей В.И. Ленина, снести все памятники ему в стране и т.п., чем явно повергло в смущение доморощенную РПЦ. Иерархи РПЦЗ, в свое время связавшие себя с политическими силами, бесповоротно проигравшими борьбу и навсегда скомпрометировавшими себя в глазах русского населения обращением за помощью к интервентам, зарубежным врагам Отечества, запятнавшие себя сотрудничеством с душителями и вешателями (колчаками, врангелями, капелями, семеновыми, маннергеймами, унгернами и анненковыми и т.п.) сегодня имеют наглость диктовать народу условия, жаждут задним числом добиться реванша. Впрочем, мы можем понять природу их иллюзий: антиконституционная ползучая клерикализация России идет, причем в самых недопустимых формах – реституции, проникновения в госаппарат и армию, полицию, в пенитенциарную и сферу образования.

Нельзя отмахнуться от того факта, что «Уникальность российской ситуации состоит в том, что в отечественной элите есть влиятельная группировка, кровно заинтересованная в развенчании Победы... Для «офшорной аристократии» конфликт с Западом, да еще из-за какой-то трактовки истории, совершенно не нужен. Соответственно, эффективное противодействие фальсификации истории

объективно противоречит ее интересам, а защищать свои интересы она умеет»⁶. И далее тот же автор констатирует: «признание того, что цель фальсификаторов, не искажение исторических фактов, а решение геополитических проблем, разрушение духовных, цивилизационных основ государства и народа, неизбежно означает, что противодействие им должно включать в себя помимо опровержения лжи, еще и нечто другое, несоизмеримо более важное – укрепление и развитие этих самых духовных и цивилизационных основ нации. Как же тогда быть с европейским выбором и верностью европейским ценностям? Отсюда и вытекает упорное стремление представителей «патриотической» группы в российской элите вывести политическую сущность проблемы за скобки, сделать вид, что ее вовсе нет. Для них крайне важно свести все к чисто исторической проблематике. Потому и слышим постоянные мольбы и заклинания: «Оставьте историю историкам», естественно, остающиеся безответными»⁷.

Особая роль в семиотизации (означивании и переозначивании) городского пространства принадлежит архитектуре (строительство зданий и сооружений, организация городской среды и т.п. подчиняются прямо или опосредованно определенной идеологии («город солнца», «фаланстеры», «дома нового быта», «дворцы пионеров», «дома партий», «Дом офицеров», «Штаб военного округа», храмы и другие культовые сооружения, «вечный огонь», «могила неизвестного солдата», «Триумфальная арка», памятники вождям, историческим событиям и т.д.)). Перестройка Чикаго после знаменитого пожара и появление первых небоскребов, Сталинский план перестройки Москвы, план А. Шпеера по перестройке Берлина, архитектурная утопия О. Нимейера – Бразилиа; современные проекты «экологических городов» – все это примеры архитектурно-строительного воплощения современных идеологий.

Надо иметь в виду, что семиотизация пространства неизбежно делает его дискретным, ранжирует его локусы по степени нагруженности смыслами – сакрализации. Выделяется иерархия сакральных мест: главные центры, околоцентровая среда и периферия («старый город», «новый город»). Правда, нельзя забывать о том, что всегда присутствует не только благой центр, но есть и антицентр, своего рода семиотическая преисподняя, куда сбрасывается все противоречащее⁸. Такими местами в городе бывают, как правило, кварталы и целые районы городской нищеты (фавелы, бидонвили, трущобы), выгребные ямы, городские свалки («геенна огненная»), кладбища, заброшенные берега рек. Так, Владимир-креститель, как известно, идолищ поганых, языческих топил в Днепре; французская революционная чернь раскапывала могилы «реакционеров» и бросала их останки на городские свалки. Как вариант – предание огню всяких объектов враждебного культа (икон, храмов, реликвий, а заодно и самих адептов этих культов).

Городское пространство также выступает как арена постоянной борьбы между стремлением к прогрессу (в строительстве, планировании, размещении, благоустройстве и т.п.) и сохранением исторического наследия (материализо-

6 Шишкин И. <http://www.regnum.ru/news/1414246.html#ixzz1PdfbiTrpq>.

7 Там же.

8 Как известно, вечевого колокол, сзывавший новгородцев на вече, был низвергнут с колокольни, порот, а по вырывании языка – сослан в Тобольск.

ванной памяти: памятники архитектуры и истории). Даже в узко понятом прагматическом аспекте – убирать отжившее и не представляющее исторической ценности – задача эта не имеет легкого решения: крайне трудно понять, что на самом деле имеет, а что не имеет исторического значения⁹. А если, как это всегда происходит в обществе, за различными решениями стоят социальные группы и политические силы (часто под прикрытием «возвращения исторической правды» беззастенчиво протаскивается монархическая, антисоветская символика) – приемлемого для всех решения часто вовсе не существует.

В этом противостоянии немаловажной проблемой является «глубина» исторической памяти – как далеко в прошлое заходит стремление сохранить историческую память? Многие города гордятся своей древностью («Вечный город Рим», Иерусалим, Париж, и т. п.). Здесь имеет место свое противоречие: как преодолеть отчетливое пренебрежение памятью о недавних исторических событиях и не впасть в подозрительный пиетет перед «древностями». Еще одно крайне сложное противоречие, простого разрешения которого не знает никто (историки говорят о «холодной» и «горячей» памяти, что, скорее, является утешительной метафорой, чем действительным пониманием путей решения дилеммы).

Человек должен как-то уметь «правильно» забывать, а вечное возвращение в прошлое столь же опасно, как и отбрасывание или уродование своей исторической памяти (сегодня особенно часто и вполне небескорыстно провозглашаются призывы «покаяться», однако даже поверхностный взгляд показывает пристрастную избирательность в том, кому и за что надо «каяться»). Единственная верная процедура здесь – достижение изначального согласия главных социальных групп о фундаментальных смысложизненных ориентациях: уповать же на то, что «специалисты – разберутся», что «время – лечит», что есть «организации, которые лучше всех это могут сделать» – утопично.

1. Азаров Алексей. Марат и Марсельеза или Следы революции в ономастике: «...Поистине с размахом происходили и в революционной Франции,

9 М.В. Горбаневский: Историко-культурные традиции любого народа и его памятники (к ним, подчёркиваем, по нашему мнению, относится и сложившаяся за века система географических названий, топонимов) имеют чёткую тенденцию к передаче от поколения к поколению. События октября 1917 года и воцарившийся затем в нашем Отечестве политический строй эту тенденцию нарушили, во многом – очень серьезно... есть ещё одна группа названий, являющая собой не просто исторический нонсенс, а нечто худшее: речь идёт о топонимах, сохраняющих имена известных террористов прошлого, которых советская власть превозносила как борцов за светлое будущее... нам всем надлежит деятельно потрудиться на ниве восстановления исторических названий на картах исторических городов России и избавления городов от большевистского топонимического мусора, ибо исторические географические названия – это культурообразующие скрепы между нашим прошлым, настоящим и будущим // Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта: судьбы, проблемы, решения / Тезисы доклада на Всероссийской ономастической конференции. Тамбов 2010 // <http://rus-expert.livejournal.com/12005.html> Чего здесь больше: заботы о сохранении исторической памяти или вполне себе реставраторского политиканского зуда?

и в революционной России переименования географических названий. Основные направления смены географических названий и во Франции, и в Советской России, а затем в СССР были сходными. Так, отказывались от названий, связанных с монархией и с религией... В СССР на время или навсегда исчезли многие названия городов, данные в честь императоров или императриц (Екатеринославль, Екатеринбург, Новониколаевск и другие). Изживались и названия (особенно улиц, площадей), связанные с церковью. Что происходило во Франции после 1789 года? Повально отбрасывали приставку «сен» («святой»)... Особенностью Франции было то, что вызванные революцией переименования приобрели значительно больший размах. Так, Комитету народного просвещения поручили разработать проект всеобщего переименования площадей и улиц во всей Франции. В СССР таких проектов в масштабе страны в переименованиях не было: старые названия изживались постепенно, в течение нескольких десятилетий. Но при этом топонимические изменения, принесенные революцией, во Франции оказались мимолетнее топонимических изменений в СССР. Так, королевским указом 1814 года были восстановлены все названия, существовавшие до 1790 года. В постсоветских государствах подобной обязательной отмены советских топонимов с возвратом к прежнему состоянию не было // http://rus.azattyq.org/a/onomastics_revolution_france_russia/27126333.html.

2. Бархатов Алексей. Психбольница имени Туркменбаши // <http://www.eg.ru/daily/politics/4550/>: «Число беженцев из братской Туркмении скоро может превысить 100 тысяч: туркменский президент Сапармурат Ниязов с 22 июня отменил в стране двойное гражданство. Перед десятками тысяч российских граждан поставили условие – либо бросаете все и уезжаете, либо становитесь подданными чудесной Туркмении. Жизнь в этой «процветающей» под скипетром своего лидера стране не слишком отличается от жизни в Эфиопии или Анголе, поэтому немудрено, что началось настоящее бегство россиян».

3. Битва за Сталинград. Самые спорные попытки переименования улиц и городов в России // <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>.

4. Волосевич Алексей. Гимн национализму. За последние семнадцать лет в Ташкенте переименована половина улиц 31.01.2008 // <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>.

5. Где эта улица, где этот дом? В Таджикистане переименовали последний город с русским названием // <http://news.tj/ru/newspaper/article/gde-etaulitsa-gde-etot-dom>.

6. Зуд переименований // http://rus.azattyq.org/a/uzbekistan_karimov_renaming_edikt_astana_akmola_choluevo_russia/24361608.html: В Астане, по словам обозревателя газеты «Око» Сергея Бойко, из названий улиц исчезли не только деятели советской эпохи, но и космонавты, ученые, писатели с мировыми именами, зато появилась улица имени бывшего короля Саудовской Аравии <...> При этом в городе остались улицы Мостопоезд-463, Балочная, Парижской коммуны, Первомайская, Пионерская, Кирова и многие другие.

7. Иванов Вяч. Вс. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. – М.: Языки славянских культур, 2007, с. 165–179.

8. Кабанес О. и Насс Л. Революционный невроз. Издательство Д. Ф. Коморского, СПб., 1906 г. / Отдел 3. Революционный вандализм. Глава 2. Переименование улиц и селений // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kab/.

9. Около 170 миллионов тенге уйдет на переименование улиц в Алматы // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tenge-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/.

10. Прощай, история: в Киеве занялись переименованием улиц и площадей // <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiiev-0/>.

11. Снос памятников Ленину – вандализм или прощание с империей? // <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1411614-echo/>.

12. Чкаловск // <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>. Как всегда: «Целью переименования является пропаганда национальных ценностей, пробуждение исторической памяти молодого и подрастающего поколений о культуре предков и современной государственности таджикского народа», – отмечает правительственное информгентство «Ховар».

References

1. Azarov Aleksej. Marat i Marsel'eza ili Sledy revolyucii v onomastike: «...Poistine s razмахом происходили и в революционной Франции, и в революционной России переименования географических названий. Основные направления смены географических названий и во Франции, и в Советской России, а затем в СССР были сходными. Так, отказывались от названий, связанных с монархией и с религией... В СССР на время или навсегда исчезли многие названия городов, данные в честь императоров или императриц (Екатеринославль, Екатеринбург, Новониколаевск и другие). Изначались и названия (особенно улиц, площадей), связанные с церковью. Что происходило во Франции после 1789 года? Поважно отбрасывали приставку «sen» («святой»)... Особностью Франции было то, что вызванные революцией переименования приобрели значительный размах. Так, Комитету народного просвещения поручили разработать проект всеобщего переименования площадей и улиц во всей Франции. В СССР таких проектов в масштабе страны в переименованиях не было: старые названия изначально постепенно, в течение нескольких десятилетий. Но при этом топонимические изменения, принесенные революцией, во Франции оказались mimoletнее топонимических изменений в СССР. Так, королевским указом 1814 года были восстановлены все названия, существовавшие до 1790 года. В постсоветских государствах подобной обязанности отмены советских топонимов с возвратом к прежнему состоянию не было / http://rus.azattyq.org/a/onomastics_revolution_france_russia/27126333.html.

2. Barxatov Aleksej. Psixbol'nica imeni Turkmenbashi / <http://www.eg.ru/daily/politics/4550/>: «Число безденежия из братской Туркмении скоро может превзойти 100 тысяч: туркменский президент Сапармурат Ниязов с 22 июня отменил в стране двойное гражданство. Перед десятками тысяч российских граждан поставили условие – либо Brosaete все и uezzhaete, либо stanovites' poddannymi chudesnoj Turkmenii. Zhizn' v e'toj «procvetayushhej» pod skipetrom svoego lidera strane ne slishkom otlichaetsya ot zhizni v E'fiopii ili Angole, poe'tomu nemudreno, chto nachalos' nastoyashhee begstvo rossiyan».

3. Bitva za Stalingrad. Samye spornye popytki pereimenovaniya ulic i gorodov v Rossii // <https://lenta.ru/articles/2016/01/31/toponym/>.

4. Volosevich Aleksej. Gimn nacionalizmu. Za poslednie semnadcat' let v Tashkente pereimenovana polovina ulic 31.01.2008 // <http://www.fergananews.com/article.php?id=5574>.

5. Gde e'ta ulica, gde e'tot dom? V Tadzhikestane pereimenovali poslednij gorod s ruskim nazvaniem // <http://news.tj/ru/newspaper/article/gde-eta-ulitsa-gde-etot-dom>.

6. Zud pereimenovanij // http://rus.azattyq.org/a/uzbekistan_karimov_renaming_edikt_astana_akmola_choluevo_russia/24361608.html: V Astane, po slovam obozrevatelya gazety «Oko» Sergeya Bojko, iz nazvanij ulic ischezli ne tol'ko deyateli sovsckoj e'poxi, no i kosmonavty, uchenye, pisateli s mirovymi imenami, zato poyavilas' ulica imeni byvshego korolya Saudovskoj Aravii <...> Pri e'tom v gorode ostalis' ulicy Mostopoezd-463, Balochnaya, Parizhskoj kommuny, Pervomajskaya, Pionerskaya, Kirova i mnogie drugie.

7. Ivanov Vyach. Vs. K semioticheskomu izucheniyu kul'turnoj istorii bol'shogo goroda // Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 4: Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva i nauki. – M.: Yazyki slavyanskix kul'tur, 2007, s. 165–179.

8. Kabanov O. i Nass L. Revolyucionnyj nevroz. Izdatel'stvo D. F. Komorskogo, SPb., 1906 g. / Otdel 3. Revolyucionnyj vandalizm. Glava 2. Pereimenovanie ulic i selenij // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Kab/.

9. Okolo 170 millionov tengi ujdut na pereimenovanie ulic v Almaty // https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/okolo-170-millionov-tengi-uydet-pereimenovanie-ulits-almaty-253603/.

10. Proshhaj, istoriya: v Kieve zanyalis' pereimenovaniem ulic i ploshhadej // <http://www.pravda.ru/news/world/formerussr/ukraine/06-11-2014/1234360-kiev-0/>.

11. Snos pamyatnikov Leninu – vandalizm ili proshhanie s imperiej? // <http://echo.msk.ru/programs/kulshok/1411614-echo/>.

12. Chkalovsk // <https://lenta.ru/news/2016/02/01/pereimenovanie/>. Kak vseгда: «Cel'yu pereimenovaniya yavlyatsya propaganda nacional'nyx cennostej, probuzhdenie istoricheskoy pamyati molodogo i podrastayushhego pokolenij o kul'ture predkov i sovremennoj gosudarstvennosti tadzhikskogo naroda», – otmechaet pravitel'stvennoe informagentstvo «Xovar».

UDC 008+316

THE CITY AS A SPACE OF HISTORICAL MEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Full Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural State University of Economics,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

Semiotics of cities, from the moment of their occurrence, multidimensional and highly saturated with values and meanings. The study and understanding of these manifold meanings only makes it possible to comprehend the city as a cultural-historical phenomenon. The space of the city creates a real space of historical memory, steeped in sharp political struggle. A clear illustration of this “anti-monuments” are modern European and Asian cities, especially in the post-Soviet space. Came to power, social groups, national-ethnic bourgeoisie vengeful weed out recent historical memory of their people, often bringing it to the sad grotesque in the acute desire to achieve a historic rematch.

Key concepts:

semiotics of the city, historical memory, politics of memory, city, political discourse, the development of the city – the contradiction of historical memory and progress.